Валерия Костэкел

ОБЩНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» И РУМЫНСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

I

Применение сравнительного метода в области изучения общества и его основных институтов является могучим оружием в руках историка. Использование этого метода становится особенно ценным при изучении отдаленных исторических эпох, бедных материалами и поэтому недостаточно исследованных.

Сопоставление однородных социальных институтов позволяет установить их общие основные черты и на основании источников, касающихся истории других народов, заполнить пробелы.

Исходными моментами сравнительного изучения является установление общей терминологии, наличие которой позволяет предполагать и общность институтов.

Настоящее исследование поставило своей целью установить общность терминологии «Русской Правды» и румынских средневековых источников. А далее, исходя из наличия общей терминологии русских и румынских источников, попытаться установить общность правовых понятий и некоторых юридических институтов.

Изучение норм права румынского народа в средние века затрудняется тем, что до нас не дошли памятники румынского законодательства. Первые юридические сборники появились лишь в середине XVII века. Ставился, правда, вопрос о существование более ранних законодательных сборников ; но эти предположения не подтвердились историческими данными. Так, в специальной литературе обсуждался вопрос о существовании сборника XV века, периода правления Александра Доброго.

Поэтому нормы румынского феодального права и правовую систему приходится восстанавливать на основе актовых, летописных и других материалов. Восстанавливая различные аспекты румынского феодального права в период его расцвета, имеем ввиду главным образом основные моменты уголовного права и его процесса.

Параллельное изучение терминов «Русской Правды» и румынских средневековых источников приводит к установлению общей термино-

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

логии. Существуют общие термины выражающие идею права: *правда*, *закон*, *кривда*. Другая серия терминов касается различных видов преступления: *голова*, *разбой*, *свада*, *татьба*. В области уголовного процесса исключительный интерес представляет процедура «гонения следа», характерная для организации территориальной общины. Следует указать и на другие общие термины, обозначающие социальные категории: *люди*, *челядь*, *смерды*, *холопы*, *дворяне*, *соседи* или же относящиеся к общественному устройству: *работа*, *служба*, *дружина*, *жеребий*, *посад*, *двор*, *товар*, *торг*, *урядник* и много других.

Установление общности терминологии в области феодального права позволяет предполагать, что за общими терминами скрываются и тождественные юридические институты. В исторической и юридической литературе не раз высказывалось мнение о существовании общих норм права у славянских народов и о том влиянии, которое славяне оказывали на соседние народы.

Б.Д.Греков в своей статье «Русская Правда» и ее славянское окужение» указывает на большое число общих терминов в русском праве и в славянских «Правдах»[1]. Общность терминологии и общность социальных институтов подчеркивает существование культурно-исторических связей русского и славянских народов, уходящих своими корнями в очень далекое прошлое. Б.Д. Греков подчеркивает целесообразность параллельного изучения «Правд» и большую пользу этого изучения, так как оно способствует более правильному пониманию норм права у славянских народов и говорит «о славянской общности». «Русская правда» взятая в окружении других славянских законодательных памятников, делается для нас понятнее, яснее и величественнее»[2]. Нормы русского права так же как и аналогичные законодательства славянских народов не являются результатом иностранного влияния, а итогами внутреннего социально-экономического развития каждого славянского народа. Советский историк указывает также, что «праллельное изучение этих памятников позволяет более полно раскрыть общие закономерности феодализма у славян, оно позволяет расширить наши представления о социальной истории каждого славянского народа в отдельности, позволяет проследить эволюцию отдельных общих для них институтов»[3].

На большую пользу сравнительного изучения норм права у славянских народов и их соседей указывает и С. В. Юшков, Обсуждая вопрос о пространстве действия «Русской Правды», С.В. Юшков говорит: «Есть все данные полагать, что нормы русского црава и, в частности, Русской Правды «могли в той или иной степени повлиять на развитие славянского, сербского, болгарского, польского и чешского права. Нам кажется что советские историки должны поставить этот вопрос, несмотря на все его трудности»[4].

---

[1] « Известия Академии Наук СССР, Серия Истории и Философии», М. (1953), том X, № 2, стр. 113.

[2] Там же, стр. 114.

[3] Там же, стр. 114.

[4] С. В. Юшков, *Русская Правда*, Москва, 1950, стр. 374.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

Вопрос о сравнительном изучении социальных институтов и норм права был поставлен и в румынской исторической литературе. Н. Иорга в своем труде «Общий характер институтов юго-восточной Европы» указывает на большое сходство различных социальных институтов у народов, населяющих юг и восток Европы. Изучая главным образом общественную жизнь у славян Балканского полустрова, Н. Иорга говорит: « что вне всякого сомнения их институты возникли на древней основе славянской общности»[5]. Н. Иорга не ограничивается сопоставлением различных элементов, характерных для общественной жизни славянских народов и румын эпохи средневековья. Он утверждает, что даже в первой четверти XX века сохранилось большое сходство в формах общественной жизни этих народов. Как на наиболее яркий пример этого сходства он указывает на деревню: «Румынское село, сербское село, болгарское село, или же села на территории Фракии, кроме районов, находящихся в области поморья. . . *все они одинаковые* »[6]. Он указывает на сходство в планировке сел, постройке домов, хозяйственного уклада, утвари, одежды, народных пласок и песен.

Устанавливая вышеуказанное сходство, Н. Иорга утверждает, что и социальные институты балканских народов должны иметь много общего[7].

Сходная точка зрения была высказана и И.К. Филитти по поводу изучения у румын древнейших юридических институтов. Определяя средневековое право, главным образом как уголовное право, И.К. Филитти утверждает, что историю румынского уголовного права нельзя понять, не изучив древнего уголовного права соседних с нами народов. Наравне с римскими и византийскими элементами И.К. Филитти указывает на наличие и других основ нашего древнего уголовного права, которые без сомнения находим в варварских системах народов, главным образом у славян, участвовавших в образовании румынского народа[8].

Устанавливая общность многих румынских и славянских социальных институтов, румынские ученые главным образом имеют ввиду южно-славянские народы. Но ограничивая свои наблюдения только областью балканских народов, их выводы не являются результатом всестороннего изучения материала. Необходимо расширить рамки сравнительного изучения социальных институтов, начатого Иоргой, и ввести другие элементы, касающиеся истории восточных и западных славян.

II

У славянских народов идея права выражена в понятии *правды* — как объективной формы права. Этот термин встречаем в древнейших памятниках славянского права. В « Русской Правде » он употребляется с разными значениями: право, справедливость, суд, присяга,

---

[5] N. Jorga, *Le caractère commun des institutions de Sud-est de l'Europe*, Paris, 1929, стр. 3.

[6] Там же, стр. 3—4.

[7] Там же, стр. 8.

[8] I. C. Filitti, *Despre vechiul drept penal romîn*, Бухарест, 1928, стр. 3.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

испытание (ордалия), оправдание по суду. А кроме того правдой назывались и самые акты и сборники законов и обычаев.

В румынских источниках XV века, написанных на древнеславянском языке, мы также встречаем термин правда; он обозначает разные понятия, как это было отмечено и в других славянских памятниках.

Термин «правда» часто встречаем в румынских памятниках, когда речь идет о праве, в значении права в объективном смысле. Особенно часто он употребляется в памятниках, отражающих торговые сношения между румынскими княжествами и Брашовом. В связи с различными торговыми сделками возникали многочисленные конфликты, для урегулирования которых пострадавшие прибегали к защите румынских господарей. Так, в 1476 году Басараба, господарь валашской земли, выражает неудовольствие в своем письме к пыргарам Брашова, по поводу нападения секляров на территорию Валахии. Указывая на нарушение мирных торговых сношений между Валахией и Брашовом, господарь говорит в письме: «**И азъ до сѣда дрѣжимъ правдѫ; како се съмъ обѣцал, а wт васъ видимъ ни една правда нест**»[9]. Выражение «**ни една правда нест**» указывает на то, что власти Брашова поступают не по праву, нарушают право.

В 1508 году брашовские пограничники ограбили и избили валашских купцов. В связи с этим Раду воевода обращается к пыргарям Брашова, угрожая закрыть границу, так как их люди поступают «**без правда и без закон**»[10]. В другом письме (1496 — 1507), написанном по поводу недоразумений, возникших в связи с торговлей, валашский господарь требует, чтобы брашовские купцы соблюдали «правду»: «**аѣ се чете хранити съ правдом и пак чете ходити с правдом**»[11]; Так в вышеприведенных текстах термин «правда» употреблен в значении права.

Но во многих румынских памятниках он обозначает и суд. В 1535 году в Валахии возник конфликт из-за земельного владения между крестьянами и феодалом. Крестьяне, возбудившие процесс, доказывали, что «**wтчина притеснена и ѕѣта wт Ѡкое дворник съ сиѡм и без правдѫ**»[12].

В некоторых случаях термин правда употребляли для обозначения закона действующего в стране. В 1562 году господарь Петр, разбирая конфликт, возникший из-за владения землей между валашскими боярами, указывает, что он руководился законом: «**господство-ми гледах и сѫдих по правдѫ и закон**»[13].

Но чаще всего термин «правда» употребляется при таких обстоятельствах, когда пострадавшие требуют удовлетворение судом, хотят вести процесс, представить доказательства в своей правоте. Это требование выражено обыкновенно следующим образом: «**да им ѕчините правдѫ**»[14],

---

[9] I. Bogdan, *Relaţiile Ţării Româneşti cu Braşovul*, Бухарест, 1905, стр. 126.
[10] Там же, стр. 226.
[11] Там же, стр. 231.
[12] Gr. Nandriş, *Documentele române în limbă slavă*, Бухарест, 1937, стр. 70.
[13] Al. Ştefulescu, *Documente slavo-române relative la Gorj*, Тг. Жиу, 1908, стр. 146.
[14] I. Bogdan, *Указан. произв.*, стр. 191, 301.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

или же «Sчините законъ и правдS»[15]. Требование судебного разбирательства, выраженное таким образом, является по смыслу тождественным с тем, которое мы находим в «Русской Правде». Ст. 56 Пространной Правды, которая определяет положение убежавшего закупа, устанавливает, что прежде чем обратить его в раба, нужно дать ему суд: «но дать ему правду»[16].

В договорных румынских актах «правда» обозначает и присягу. В 1499 году Стефан Великий, господарь Молдавии, заключая договор с Александром литовским, обещает ему «на перед да имаем емS бъıти добрии и правии приятель, со ксим сердцем и со ксею нашею правдою и верою до моего живота»[17].

Очень часто употребляют термин «закон» параллельно с термином «правда». Румынские исследователи, обратившие на это внимание, считают что оба термина имеют то же значение, а именно обозначают старый земский обычай[18]. В памятниках XV века часто встречаем выражения такого рода: «да ми Sчините законъ»[19] или же «искать законъ пред нами»[20] или же «молю господстко-ки да ми дръжите прак законъ»[21]. Бывают случаи, когда оба термина употребляются в одном и том же акте. Так, например, в письме господаря Влада к властям Брашова, по поводу незаконного захвата брашовцами коня у боярина Микулы, говорится: «да мS не дръжит кwн без пракде и без законъ»[22].

Термин «закон» часто употребляется и в сочетании с другими терминами, как например.: «законъ прак» или же «законъ старн». В памятниках, относящихся к торговым сношениям Валахии с городами Брашов и Сибиу, эти выражения встречаются часто. Валашский господарь Раду, обращаясь к пыргарам из Сибиу по поводу задержанного товара у румынских купцов, требует: «да имъ сътворите прако сSдство... Sчините каше законъ прако»[23].

В этой серии румынских памятников встречаем термин «закон» и в другом сочетании — «зако̀и стари». Это выражение употребляют в связи с торговыми привилегиями и пошлинами, установленными на различные товары румынскими господарями: «и да сн дръжимо законн стари wт пракѝ господарех»[24] или «да им ест по̀ старомS законS»[25] или «как стори законъ бıл»[26]. Под выражением «старый закон» есть основание предположить, что речь идет о постановлениях бывших господарей, оставшихся в силе.

---

[15] Там же, стр. 238.
[16] *Русская Правда*, под редакцией Б. Д. Грекова, II, стр. 482.
[17] I. Bogdan, *Documentele lui Ştefan cel Mare*, Бухарест, 1913, II, стр. 442.
[18] I. C. Filitti, *Vechiul drept penal romin*, (Extras din «Revista de Drept penal şi Ştiinţă penitenciară», 1934), Бухарест, стр. 2.
[19] I. Bogdan, *Relaţiile Ţării Romîneşti cu Braşovul*, стр. 291, 293.
[20] Şt. Nicolaescu, *Documente slavo-romîne*, Бухарест, 1905, стр. 90.
[21] Там же, стр. 78.
[22] I. Bogdan, *Указан. произв.*, стр. 203.
[23] Şt. Nicolaescu, *Указан. произ.*, стр. 70.
[24] I. Bogdan, *Указан. произв.*, стр. 88.
[25] Там же, стр. 95.
[26] Gr. Tocilescu, *534 documente slavo-romîne*, Бухарест, 1913, стр. 491.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

Также термин «закон» встречаем и в ином сочетании: «**законъ влашски**» и «**законъ земскии**» или же «**законъ по wбычаю**». Так, например, восстанавливая акты на землевладение погибшие во время турецкого нашествия, Стефан Великий указывает: «**мы есми досмотрили с нашими бояри и радою та есми емѫ ѵчинили законъ подлуг земского прака**»[27]. В этом случае господарь ссылается на земский обычай, он же повидимому является «влашским» или же «волошским законом». В 1470 году Раду Красивый, подтверждая земельные владения Тисменского Монастыря в Валахии, запрещает пользоваться монастырскими пастбищами, не уплачивая «**калѣгером цio ест законъ клашки**»[28] В том же, 1470 году, Стефан Великий, освобождая от холопства татарина Оанэ; постановляет, что освобожденный будет жить в Молдавии как все «**колохоке съ своим волоскым законом**»[29].

Изучение румынских памятников XV века позволяет утверждать, что все эти варианты: «**земскии законъ**», «**законъ подлуг земского права**», «**волошскии законъ**» обозначают старый земский обычай, то есть являются обычным правом румынского народа.

Наряду с терминами «правда» и «закон» употребляют термин «кривда», который является противоположностью «правды». Так, например, в 1482 году Влад воевода, обращаясь к пыргарам брашовским по поводу несправедливости, учиненной Радулу из Кымпулунга, пишет: «**ѵчинили законъ крив... сѣдили крико... да мѫ чините сѫд прак**»[30]. Кривду встречаем в молдавских грамотах в смысле нарушения действующего права — «правды». В 1454 году утверждается судебный иммунитет Нямецкого монастыря со следующими пояснениями: «**али коли комѫ сѫ оѣзрит какое кривдѫ wт тых людеи ис тѫх селах а wн да ищет ихъ прѫд оуръдники монастирски**»[31].

«Кривда» обозначает также и обман. В 1580 году в Молдавии возник судебный процесс из-за ложного установления межи отчины, принадлежащей граматику Михэйлеску. Пыркалаб Голый, воспользовавшись отсутсвием землевладельца, «**хотарил емѫ с кривдою**»,[32] то есть обманул его, установив ему неправильную между его владений.

Хотя термин «кривда» и не упоминается в «Русской Правде», он является одним из самых характерных для юридического языка этой эпохи[33].

III

Переходя к вопросу о видах преступления, мы займемся сначала вопросом общности терминологии, относящейся к понятию о преступлении и наказании.

---

[27] I. Bogdan, *Documentele lui Ştefan cel Mare*, Бухарест, 1913, I, стр. 239, 258.
[28] P. P. Panaitescu, *Documentele Ţării Romîneşti*, Бухарест, 1938, I, стр. 272.
[29] I. Bogdan, *Указан. произв.*, I, стр. 140.
[30] I. Bogdan, *Relaţiile Ţării Romîneşti cu Braşovul*, стр. 187.
[31] M. Costăchescu, *Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare*, Яссы, 1932, II, стр. 517.
[32] Gh. Ghibănescu, *Surele şi izvoade*, XIX, стр. 166.
[33] *Русская Правда*, II, стр. 486.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

В румынских исторических памятниках XV века преступления обычно бывают названы термином — «вина ». Существовала определнная классификация, делившая деяния на две категории: «большие вины» и «малые вины». Поэтому, в румынских грамотах часто можно было встретить выражение «всякие вины», которое в равной мере относилось к общим категориям.

Так, например, в 1472 году в молдавской иммунитетной грамоте, данной Побратскому монастырю, судебный иммунитет был выражен в следующей форме: «а они да тѣжѕть и да ищѣтѕть их прѧд игѕменом и прѧд оурѣдником его; а иного сѕда не ѕмают никоан ни оу чом... и да докидѕют их ѕ оусем и оу глобах и оу кѣсмких винах» [34].

В валашских грамотах, отражающих торговые связи Валахии с Брашовом, также встречаем термин «вина». В одной из грамот, в которой говорится об обвинении в убийстве крестьянина из села Грид, убийство не вполне выясненное, использованы следующие термины: «ако ест вина, да бѕд вина; ако нѣс вина, не моите грабити съмрътиж на него» [35].

В «Русской Правде» и в Краткой и в Пространной, термин «вина» встречаем несколько раз и с тем же значением [36]. В ст. 26, определяющей положение ударенного, который не стерпев ударил обидчика, указано: «Не терпя ли противу тану ударить мечем то вины ему в томь нетуть» [37]. В ст. 62 указано, что господин, который бьет закупа за дело, не является виновным: «то в сем вины нет»[38]. В ст. 89 говорится об убийстве холопа господином и указано, что если холоп «будет без вины убиен», то убивший обязан платить виру [39].

Из сопоставления термина *вина* в румынских грамотах и «Русской Правде» явствует, что он употреблялся с тем же значением. Этот термин был живуч. В древней Руси и в последующие века в иммунитетных грамотах русских князей периода феодальной раздробленности, он упоминается неоднократно.

Если термин «вина» обозначает преступление, то термин «казнь» — «казнити» относится к наказанию. В румынских грамотах XV века он употребляется часто. Так, в 1448 году, в грамоте на владение мельницами логофета Михаила в городе Байя говорится: «да ест колен пан Михаил логофет казнити и брати ис того, кто ест ѕ него хотари и не имет козити на тоты млинъı» [40].

В 1435 году Илья воевода, помирившись со своим братом Стефаном, устанавливает границы его землевладений и угрожает «казнити, ако виноватого и ако прѣстѕпника» [41], того кто нарушит мир, заключенный между ними.

---

[34] I. Bogdan, *Documentele lui Ştefan cel Mare*, I, 174, 408.
[35] Gr. Tocilescu, *Указан произв.*, стр. 468.
[36] *Русская Правда*, II, Пр. Пр., ст.ст. 26, 62, 89.
[37] Там же, стр. 344.
[38] Там же, стр. 526.
[39] Там же, стр. 606.
[40] M. Costăchescu, *Указ. произв.* II, стр. 313—314.
[41] Там же, стр. 682.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

Ст. 46 «Русской Правды,» относящаяся к воровству холопов княжеских, боярских и монастырских, говорит о том, что они не подлежат наказанию штрафом: «их же князь продажей не казнит»[42], так как они не являются свободными людьми. В русских грамотах XV века принято, так же как и в румынских, применять угрозу по отношению к тому, кто нарушит волю князя: «А кто ея ослушает еси моей грамоты, быть от меня в казни»[43].

Виды преступлений, которые более полно отражены в румынских грамотах, касаются убийства, свады, разбоя, увечья, татьбы, таким образом относятся к уголовному праву. С.В.Юшков указывает, что давно было обращено внимание на то, что первые законы главным образом касаются уголовного права[44]. Кроме того он утверждает, что такое положение вещей является характерным для феодального общества на первом этапе его развития. Определяя характер «Русской Правды», С.В.Юшков подчеркивает, что «для юридических сборников периода становления и развития феодализма характерно то, что они главным образом касаются основных моментов уголовного права и процесса»[45].

В категории преступлений против личности, убийству уделяется особенно важное место, которое в румынских источниках XV века обозначается термином — душегубство.

Обыкновенно этот вид преступлений встречается в иммунитетных грамотах. Так, например, в 1447 году молдавский Нямецкий монастырь пользовался правом суда, обозначенным в грамоте следующим образом: «хотѣ бѣдет меж теми людьми (из монастырских сел) доушегѹбство ...але сами калѹгери... соудили свои люди»[46]. В другой грамоте этого же монастыря 1454 года находим определение термина доушегѹбство: монастырские села, будучи изъяты из под юрисдикции господаря и его урядников, не отвечали перед ними[47] «ни за душегѹбство.. коли имет сѧ смрътъ учинити которѧм[48]. Таким образом в румынских средневековых грамотах более раннего периода душегубство обозначает убийство.

Согласно нормам румынского уголовного права за «голову», то есть за убитого, взыскивался штраф, называемый глоба, уплачиваемый обычно скотом. В грамотах эпохи Стефана Великого довольно часто встречаем выражение «глоба wт дѹшегѹбство»[49] то есть штраф за совершенное убийство. Если в XV веке в молдавских грамотах душегубство обозначает убийство, то позднее появляется новый термин — дѹшегѹбина — которым обозначается глоба то есть штраф за убитого. В валашских грамотах термин дѹшегѹбина встречаем еще с начала XV века. Так, например, монастырь Козия в 1421 году пользовался правом на суд,

---

[42] *Русская Правда*, II, стр. 404.
[43] *Памятники русского права*, III, стр. 100, 102, 103.
[44] С. В. Юшков, *Русская Правда*, стр. 270.
[45] С. В. Юшков, *Общественно-политический строй и право Киевского государства*, стр. 146.
[46] M. Costăchescu, *Указан. произв.*, II, стр. 288.
[47] Там же, стр. 288.
[48] Там же, стр. 517.
[49] I. Bogdan, *Указан. произв.*, I, стр. 173.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

выраженным следующим образом: «глоба ли ецет учинит по тѣхи блата, дѣшегѣбина ли... късе да ест монастирско»[50].

В тексте «Русской Правды» термин душегубство не упоминается, но он имеет широкое применение в других источниках этой же эпохи: Митрополичье Правосудие, которое историки считают памятником XIII — XIV веков[51] и в грамотах XV века[52]. «Русская Правда» употребляет термин убийство и головничество, а виновный называется — убийца и головник. Также встречаем термин — *голова*. Голова с обозначением убитого упоминается в Краткой Правде, ст. 19: «голова начнет лежати»[53] то есть где будет найден убитый. Ст. 1 указывает объем денежного взноса за убитого: «Аще не будет кто мьстя, то 40 гривен за голову»[54]. В Пространной Правде голова упоминается в нескольких статьях: 2,3,8,17[55]. Ст. 8 говорит о том, что помимо виры, которая шла князю за убийство, родственникам убитого также давали вознаграждение — «за голову 3 гривны»[56]. Термин голова и головничество обозначают вознаграждение за убитого, которое платили его родичам. Изучение терминов голова и головничество представляет особый интерес для румынских исследователей, так как румынский термин глоба происходит от древне-славянского глава, от которого же произошло и русское слово — голова.

Голова, которая обозначает убийство или убийцу, встречается часто в румынских грамотах. Так, например, в 1526 году села Тисменского монастыря были освобождены от повинности искать убийцу на их земле: «ни главка скезана да не кодит»[57]. Когда в грамотах говорится об убийстве, виновный часто обозначается словом голова: «заплатит головой», «потерял свою голову». Если убийца — человек бедный и не может дать требуемое вознаграждение, за него могут заплатить и другие: «заплатил ємѣ глав»[58].

Не подлежит сомнению, что глоба ведет свое начало от главы, обозначающей убийство, так же как и душегубина произошла от дѣшегѣбство. Со временем глоба вообще обозначает штраф, который дает возможность откупиться от наказания.

Интересно отметить тот факт, что в современном румынском языке термин глоба сохранился, но изменил свою семантику: обозначает старую худую лошадь — клячу. Некоторые историки высказали предположение, что термин глоба — выкуп за убийство, произошел от названия лошади, так как выкуп главным образом платился скотом и платившие норовили дать в счет уплаты негодный скот[59].

---

[50] P. P. Panaitescu, *Указан. произв.*, стр. 126.
[51] М. Н. Тихомиров, *Пособие для изучения Русской Правды*, стр. 128.
[52] *Памятники русского права*, III, стр. 172.
[53] М. Н. Тихомиров. *Указан. произв.*, стр. 80.
[54] *Русская Правда*, II, стр. 28.
[55] М. Н. Тихомиров, *Указан. произв.*, стр. 90.
[56] Там же.
[57] Al. Ştefulescu, *Mănăstirea Tismana*, Бухарест, 1909, стр. 217.
[58] Gh. Ghibănescu, *Vasluiul*. Яссы, 1926, стр. 24.
[59] N. Iorga. *Указан. произв.*, стр. 89, 90.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

Общность терминологии, касающейся убийства в румынских и русских средневековых источниках, вскрывает тождественность принципа, который применяется как наказание за убийство: система уголовных штрафов. Первоначально действоваший принцип кровной мести постепенно вытесняется и заменяется системой штрафов[60]. Принципы и основы системы феодального уголовного права Древней Руси во многом сходны с системой уголовного права, которая применялась в румынских княжествах.

К категории преступлений против личности следует отнести нанесение увечий, ран и побоев. В молдавских грамотах встречаем указания на преступления этого рода. В 1467 году в иммунитетной грамоте Бистрицкого монастыря перечисляются преступления, которые не подлежат господарскому суду; урядники не имеют права штрафовать монастырских людей «ни за дѣцегѣкстко, ни за слид, ни за разбои, ни за татство, ни за диѣкѣ колоченин ни за кръвавыи рани, ани за синыи рани» [61].

В ст. 28 Краткой Правды также говорится об этом виде преступления: «Или будеть кровав или синь надьражен, то не искати ему видока человеку тому... оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летую мъзда.» В ст. ст. 29 и 30 Пространной Правды также говорится об этом виде увечья: «кровавые и синие раны »[62]. В Краткой Правде пострадавший имеет право мстить за себя или же взять вознаграждение в 3 гривны; в Пространной Правде уже нет упоминания о праве мести, наказание заключается в взыскании денежного штрафа. Но кроме этого виновный должен уплатить лекарю за лечение пострадавшего: в Краткой Правде плата лекарю не фиксирована, в Пространной Правде полагается гривна на лечение[63].

В румынских источниках XУ века не сохранилось указаний на то, какое наказание полагалось обидчику за кровавые и синие раны. Но более поздние грамоты, относящиеся уже к XVII веку, сохранили сведения, на основании которых можно восстановить нормы, которые действовали и в предыдущих веках. В молдавской грамоте 1673 года братья Урсул и Николай признают, что они нанесли увечья человеку, живущему в селе Оброчень: «во время свады с человеком из села Оброчень мы побили его и проломили ему голову и был он в состоянии умирающего. Тогда егумен Галацкого монастыря (на земле которого произошла драка) потребовал уплаты глобы в 30 лей, а люди села Оброчень потребовали уплатить лекарю и поставить человека на работу вместо раненного, на время пока он будет болеть, а кроме того заплатить пострадавшему за перенесенную боль »[64]. Н. Иорга, указывая на этот случай, считает, что он является характерным как отражение румынских средневековых норм уголовного права.

---

[60] С. В. Юшков, *Общественно-политический строй и право киевского государства*, стр. 476—478; I. C. Filitti, *Vechiul drept penal romîn*, стр. 16.

[61] M. Costăchescu, *Documente de la Ştefan cel Mare*, Яссы, 1948, стр. 24.

[62] *Русская Правда*, II, стр. 350 и 354.

[63] Там же.

[64] N. Jorga, *Anciens documents de droit roumain*, I, стр. 264—265.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

Принимая во внимание, что в XVII веке румынское феодальное общество мало чем отличалось от общества предыдущих веков, является возможность предположить, что в случае увечий, указанных выше, действовали те же нормы права.

Сравнивая в данном случае нормы русского и румынского уголовного права, приходим к выводу, что в основном они были те же, за исключением некоторых маловажных особенностей.

Переходя к категории имущественных преступлений, как разбой, свада, татьба, следует указать вначале, что они все упоминаются в румынских грамотах XV века, как например, в молдавской грамоте 1467 года, указанной выше.

Что же касается термина разбой — в румынских источниках он остается невыясненным. В Краткой Правде разбой упоминается в ст. 19: «А иже убьют огнишанина в разбой »[65]. Пространная Правда также знает разбой и даже устанавливает за него самое тяжелое наказание: поток и разграбление[66]. Относительно значения термина разбой было высказано много противоречивых мнений в русской и советской литературе. В основном они сводятся к тому, что это было убийство, совершенное умышленно во время драки — «разбоя»[67]. М.Н. Тихомиров считает, что в понятие «разбоя» вкладывается и классовый смысл, как преступления против феодальной верхушки[68]. Ввиду того что румынские источники не дают необходимых сведений относительно этого вида преступления, выводы, к которым пришли советские специалисты на основании русских источников, могут быть использованы для его истолкования и в румынской литературе.

Свада упоминается во многих грамотах XV века, главным образом в Молдавии. Некоторые грамоты содержат сведения, касающиеся «свады», возникшей из-за земельных владений. Так например, в 1423 году началась тяжба из-за межи между ватаманом Веригой и сыновьями Ротымпана. После установления новых границ владения, чтобы прекратить распри в будущем, суд постановил: «а кто ѡт них почнет за тот хотар бѣдь которою лихотою или свадою бѣдь коли, тот заплатит заказѣ сто золатых угорскиχ»[69]. Тятьба из-за земли, ведущая к «сваде», упоминается и в других грамотах [70].

Молдавские грамоты говорят и о «сладѣ торговскон», когда вор лойман на месте преступления[71]. «Свада» встречается и в валашских грамотах XV века. Так, например, в 1474 году в иммунитетной грамоте монастыря Дялул указано, что монахи получают право на доходы от суда различных преступлений, среди которых пречисляются: «свада и кровь и татьба»[72].

[65] М. Н. Тихомиров, *Указ. произв.*, стр. 80.
[66] Там же.
[67] *Русская Правда*, II, стр. 149—151.
[68] М. Н. Тихомиров, *Указан. произв.*, стр. 89.
[69] M. Costăchescu, *Указан. произв.*, I, стр. 159.
[70] Там же, стр. 468.
[71] I. Bogdan, *Указан., произв.*, I, стр. 230 и 257.
[72] P. P. Panaitescu, *Указан. произв.*, стр. 283.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

В Пространной Правде свада упоминается в ст.ст. 4 и 5. Здесь речь идет о ссоре, которая может привести к убийству. Так, в ст.4 говорится: «Но оже убил или в сваде или в пиру[73], а в ст. 5 упоминается «разбой без всякой свады».[74]

Понятие «свада», повидимому, относится к ссоре и драке, которая может привести к убийству, таким образом оно не является умышленным и этим отличается от «разбоя».

Воровство в румынских грамотах XУ века обозначено термином «татьба»[75], так же, как и в «Русской Правде»[76]. Этот вид преступления встречаем обычно в имунитетных грамотах. Так, в молдавской грамоте Бистрицкого монастыря 1447 года указано, что монахи, имея право на судебный иммунитет, могут взыскивать штраф за всякого вида преступления, а также и за татьбу[77]). В несудимых грамотах, в которых упоминается воровство, указано и наказание за него — глоба, но без уточнения — в каком именно размере платился этот штраф, так же как не указаны и виды воровства. Все же из общей категории «татьбы» особое место отведено воровству, обозначенному в грамотах следующим образом: «татьбѣ, ще сѣ застанет лицем ѕ тръгѕ»[78]. В русских средневековых памятниках этот вид ворвства обозначен как «татьба с поличным»[79]. В Русской Правде» предвидится такое положение вещей, когда вор застигнут на дворе, у клети или у хлева. Но терминов «лицо» или «поличное» «Русская Правда» не упоминает. В XV же веке «татьба с поличным» встречается часто в русских иммунитетных грамотах. Также не лишено интереса отметить тот факт, что на Руси во второй половине XV века этот вид воровства уже был изъят князем в пользу наместников[80]. Такое же положение вещей было и в румынских княжествах. «Татьба с поличным» была изъята из под юрисдикции феодала и была передана суду дворников. Тать застигнутый на месте преступления, осложнял свое положение и ему было труднее *откупиться* от наказания за совершенное деяние. На основании источников XVI века явствует, что такого рода преступника ожидала смертная казнь—повешение. Так, в одной валашской грамоте 1598 года говорится о том, «что Тайнкош украл коня и был пойман на месет и хотели пострадавшие повесить его там же, но Тайнкош умолил жупана Датко армаша выкупить его голову от смерти»[81].

Рассмотрев основные виды преступлений — душегубство, увечье, разбой, свада и татьба и использовав материалы «Русской Правды», мы без соменения, по иному, более углубленно, познакомились с правовыми понятиями румынского феодального общества.

---

[73] М. Н. Тихомиров, *Указан. произв.*, стр. 88.
[74] Там же, стр. 89.
[75] M. Costăchescu, *Указан. произв.*, II, стр. 288; I. Bogdan, *Указ. произв.*, I, стр. 230, 257; Documentele lui Ştefan cel Mare, 1948, стр. 24.
[76] М. Н. Тихомиров, *Указан. произв.*, Кр. Пр. ст. ст. 20, 38; Пр. Пр. ст. ст. 17, 29, 32, 34, 38.
[77] M. Costăchescu, *Documente moldoveneşti*, II, стр. 288.
[78] I. Bogdan, *Указан. произв.*, I, стр. 230, 257.
[79] *Памятники русского права*, III, стр. 134.
[80] Там же, стр. 89.
[81] N. Iorga, *Studii şi Documente*, V, стр. 135.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

IV

В области судебного процесса необходимо обратить внимание на институт гонения следа, который применялся в организации территориальной общины в румынских княжествах[82].

Особенно полно этот институт отражен в молдавских иммунитетных грамотах. В 1454 году монастырь Молдавица был освобожден от обязательства гонения следа: «**и слид злодінского да не платит тое село wт своего хотарѣ**»[83] В 1458 году Стефан Великий, подтверждая право владеть селами этому же монастырю, освобождает его вновь от обязательства гонения следа, выраженного в несколько иной форме: «**ни слид злодийскыχ да не гонит оу село том хотарѕ и не примѕт**»[84]. В 1467 году Бистрицкий монастырь обладал судебным иммунитетом в следующих терминах: «**а ни глобѕ ис них брати ни за дѕшегѕбство, ни за слид**»[85]. В 1466 году Стефан Великий подтверждает иммунитетные права Романской митрополии на село Негоешты и, перечисляя господарских слуг, которые не имеют права доступа в это село, упоминает и «**слидогонцек**»[86].

Ст. 77 «Русской Правды» (Пространной) говорит также о гонении следа: «Не будет ли татя, то по следу женуть». (Если тать скроется, должно гнать его по следу)[87]. Термины румынских грамот тождественны с терминологией «Русской Правды»: *след и гонение*. Институт «гонения следа» явояется древнейшим славянским обычаем, который особенно хорошо отражен в Статуте Казимира Великого. Когда преступник не пойман, (но оставил после себя следа), виновного искали путем[88] «гонения следа».

Терминология, которая употреблялась в XV веке в Молдавии для обозначения института «гонения следа», со временем исчезает. Хотя на протяжении XVI—XVII веков институт еще существует, но терминология уже иная. Так, например, в Валахии выражение «**кодити глака свезана**»[89] обозначает повинность, лежашвую на селе опознать виновного, а найдя его связать и передать властям.

По мере того как укреплялся государственный аппарат, эта повинность стала играть меньшую роль в процедуре отыскивания виновного. Но в случае, если виновный не был опознан, община была обязана уплатить штраф скотом или же деньгами; как было указано выше, эта общинная повинность не исчезла и в XVII веке. Так, в 1613 году казначей Ионашку обратился с жалобой к господарю, в которой указывал, что у него пропал скот, а жители села Обыршия, на земле которого произошла кража, «не хотят ни убытки возместить, ни виновного опоз-

---

[82] V. Costăchel, *Despre problema obștiilor agrare în Țara Românească și Moldova în secolele XIV—XV*. «Studii și cercetări de Istorie Medie», II, (1951), стр. 106—108.
[83] M. Costăchescu, *Указан. произво.*, II, стр. 505.
[84] I. Bogdan, *Documentele lui Ștefan cel Mare*, I, стр. 14.
[85] M. Costăchescu, *Documente lui Ștefan cel Mare*, Яссы, 1948, стр. 24.
[86] I. Bogdan, *Указан. произв.*, стр. 95.
[87] *Русская Правда*, II, стр. 564.
[88] Al. Ștefulescu, *Documente slavo-romîn relative la Gorj*, стр. 489.
[89] Gh. Ghibănescu, *Surete și izvoade*, XX, № 183.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

нать»[90]. В 1610 году в селе Вэхнены, принадлежавшем Нямецкому монастырю, было найдено тело убитого. Монахам был дан трехдневный срок для отыскивания виновного. В противном случае они были должны уплатить штраф. Когда же виновный был опознан в другом селе, монахи потребовали, чтобы жители этого села вернули им расходы, связанные с отысканием виновного.

Сопоставление данных, касающихся института «гонения следа», выявляет не только общность терминологии. Параллельное изучение материалов, в которых отражен этот институт, позволяет установить и его тождественность.

С.В.Юшков, говоря о «гонении следа» в Пространной Правде, указывает, что здесь речь идет «о розыске преступника по его следам. Предполагалось, что там, где теряются следы, находится преступник»[91]. В Древней Руси так же, как и в румынских княжествах «гонение следа» накладывало обязанность на село, на земле которого терялись следы убийцы, разыскать преступника и выдать его властям; в противном случае село должно было платить денежный штраф.

Б.Д.Греков, занимаясь вопросом «гонения следа» в Галицкой Руси, указывает, что он не исчез и в XУ веке. Община была обязана принимать участие в «гонении следа[92], или розыске преступника. Греков также высказывает мнение, что «гонение следа» шло по территории соседской общины[93].

«Русская Правда» не содержит объяснений, в чем состоит «гонение следа». В румынских грамотах объяснения находим в источниках более позднего периода — XVI—XVII веков. Так, например, исключительно ценные сведения содержит Молдаво-польский договор 1540 года: «Если кто-либо, идя по следам беглеца или же по следам скота, дойдет до села и жители села не будут в состоянии указать в каком направлении следы продолжаются, тогда жители этого села должны возместить убытки, причиненные виновными, и выдать беглеца и скот, следы которых привели к ним. Если же жители села покажут в каком направлении продолжаются следы, тогда должно продолжать преследование из села в село»[94].

Зато в литовских источниках находим весьма развитое учение о «гонении следа». На основании литовских источников можно восстановить процедуру гонения. Потерпевший преследует вора или убийцу по следам, созывает копу из добрых людей, околичных соседей и гонит с ними след. Если след приводит к селу или дому -копа требует выдачи виновного или вывести след за границу земли села своего. Если село не укажет следа, то есть не укажет, куда скрылся виновный, село обязано платить штраф. Об этом говорится ясно и в Вислицком Статуте Казимира III: «ежели бы украдены были лошади, волы, скот и другие

---

[90] *Documente privind Istoria Romîniei, veac. XVII, Moldova*, II, стр. 326—327.

[91] С. В. Юшков, *Общественно-политический строй и право Киевского Государства*, Москва, 1949, стр. 517.

[92] В. Д. Греков, *Крестьяне на Руси*, М.-Л., 1946, стр. 294.

[93] Там же, стр. 73.

[94] Hurmuzaki, supl. II, vol. I, стр. 145.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)

вещи, в доме или другом каком месте, потерпевший убыток нашел бы след своей пропажи, то собрав добрых людей, околичных соседей, имеет он, по древнему праву, гнать след»[95].

Ф. И. Леонтович установил существование этого института и у западных славян, указав, что гонение следа известно чешскому и польскому праву[96]. У чехов оно называлось «stopa»; потерпевший имел право на помощь соседей, которые образовали «осаду»—сходку соседей, и шли «po stope» виновного. Если соседи не помогали потерпевшему, на них падала обязанность возместить ему убытки сообща. У поляков гонение следа называлось «slad» и состояло также из повинности общины помогать потерпевшему в погоне по следам преступника. Соседи обязаны были идти с ним по следу злодея, иначе на них падала обязанность уплатить ему убытки[97].

★

Параллельное изучение терминологии «Русской Правды» и румынских памятников XV века, позволяет установить много общих терминов, указанных в вводной части этой статьи. Из большого числа общих терминов, мы выделили лишь те, которые касаются норм феодального уголовного права, регулировавших отношения между людьми в средневековом обществе.

Исходя из наличия общей терминологии явилась возможность установить общую правовую систему, в которой обычай штрафов, вытеснивший кровную месть, занимал очень важное место. В области процесса была установлена тождественность института гонения следа, характерного для территориальной общины и являющегося пережитками первобытно-общинного строя.

На примере этого института можно убедиться насколько яснее и полнее становится наше представление о характере и значении его, использовав для этого сравнительный метод изучения.

Более полное изучение различных аспектов уголовного права создает благоприятные условия для восстановления основ феодального общества и его социальных институтов.

---

95 *Русская Правда*, II, стр. 571.
96 Ф. И. Леонтович, *Старый земский обычай*, Одесса, 1889, стр. 129.
97 Там же, стр. 129.

BDD-A24350 © 1958 Editura Universității din București
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 09:11:34 UTC)